

С М И Е Ш А

13

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БРАТЯ ЧЕХОВЫ

1
Литература, посвященная описанию жизни и анализу творчества Чехова, велика. Десятки, если не сотни людей оставили нам свои личные воспоминания об Антоне Павловиче. О его детстве, годах, юности и зрелом возрасте мы знаем немало. Но о некоторых чертах его биографии, в взглядах Чехова на воспитание, мы узнаем от него самого, из нескольких строк его частного письма. На тридцатом году своей жизни, уже завоевав известность в литературе, Чехов писал, обращаясь к одному из своих приятелей:

«Нашиптоска рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, идеологии поповских рук, поклонения чужим мыслям... — напишет, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабацкая кровь, а настоящая человеческая...»

Эту упорную работу самовоспитания вёл и сам Чехов, искореняя в себе, в своей семье, в своих взглядах и навыках, осадки воспитания в помещичьей семье. И эта работа, эта борьба, прошла через всю жизнь Чехова и через всё его творчество. Когда он в бесконечной цепи своих произведений, начиная с написанного в студенческие годы крошечного рассказа «Смерть чиновника» и кончая последним своим произведением «Невеста», закончил за несколько месяцев до смерти, изображал с эстетической наемностью, то с горем, то с злостью и безразличием разного рода жалких обывателей, вслепую пытаясь ухватиться в себе и в других человеческое достоинство, то вставал же борьба с рабством. Подлачивство, чванство, угодушничество, хамелеонство, пресмыкательство, запятая трусость, надменность, грубость, пошлость, ограниченность интересов — всё это и многое другое, что не устала клеймить Чехов, — различные маски одного и того же зла — рабства и духовного мечтанья.

2

Вся эта борьба Чехов и в своей собственной семье. Соответствующие материнские его биографии представляют совершенно исключительный интерес, рисуя одновременно и атмосферу, в которой воспитался будущий писатель, и тот процесс «выдавливания по каплям раба», о котором он говорит в приведенных выше отрывках.

Уже первое письмо Чехова, которое мы знаем, написанное шестиклассником Антоной в ответ своему младшему брату Михаилу поразительно точно для шестнадцатилетнего мальчика ясною и резкою ставит центральные для всей жизни и творчества Чехова вопросы о человеческом достоинстве. «Почерк у тебя хорош... пишешь он... и во всем письме не найдешь у тебя ни единой грамматической ошибки. Но нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою чинчиным и незамеченным братишкой. Ничтожество своё создаешь! Не всем, брат, Михаил надо быть величавым. Ничтожество своё сознавай, зная где? Перед богом, пожалуй, пред богом, красотою, природою, и перед людьми. Среди людей нужно сознавать своё достоинство. Ведь ты не мещанин, честный человек? Ну и уважай в себе честного только и знай, что честный малый не ничтожество!»

Здесь прекрасный урок уважения чело-

веческого достоинства даёт старший брат младшему. Но такой же урок дан был гимназистом Антоном своему старшему брату, студенту Александру. В январе 1883 года, поздравляя в письме Антона Павловича с рождением и именинами, Александр, между прочим, вспоминает, как десять лет назад Антог, учившийся в Таганроге, приехал на праздники к семье в Москву: «Помню, как мы вместе шли, как жели, по Замосквор... Я был в цилиндре и стараясь как можно больше, будучи студентом, вымолить в твоих глазах. Для меня было по тогдашнему возрасту важно ознаменовать себя чем-нибудь перьями тобою. Я вымуча как-то старухе прямо в лицо. Но это не произвело на тебя того впечатления, какого и жаль. Эту постылку переживай тобою. Ты слезливым упором склазил мне: «Ты всё ещё такой же ашара (бездельник, хулиган), как и был».

По поводу этого «слезливого упрека» Александр Чехов добавляет: «Я не понял тогда и принял это за похвалу». Это замечание свидетельствует как о культурном уровне Александра, так и о том, что гимназист Антог уже его перерос. Совершенно неосомненно, что в нём уже происходила та работа самовоспитания и самовосстановления, о которой мы говорим выше. В скором времени судьба поставила его в положение морального руководителя всей семьи, и тут это обнаружилось с полной ясностью.

В 1879 году, окончив гимназию в Таганроге, он переехал в Москву и поступил в университет. К тому времени отец его, человек крутого нрава и сильной воли, но до мозга костей мещанин, определявший весь строй жизни семьи, фактически отделился от неё и долой являлся только на праздники. Брат Александр также прожил вдалеке. Десятинадцатилетний студент-первокурсник Антог сделался главой большой семьи, несмышлявшей, нуждающейся материальной нужду.

Его младший брат, Михаил, в противоположность старшему Александру, в своих воспоминаниях всегда склонен был несколько умалять у тёплых сторонах в укладе чеховской семьи. Тем не менее он в таких выражениях характеризует первую, которая произошла, когда Антог Павлович смонял отца в роли главы: «Воля Антона сделалась доминирующей. В нашей семье появилась друг неизвестные мне дотом резкие, отрывочные замечания: «Это неправда», «Нужно быть справедливым», «Не надо агать» и т. д.

Здесь уже наметились те основные моральные принципы Чехова, которым он остался верен до конца своей жизни, которые прошли красной нитью через всё его творчество, наложив на него отпечаток исключительной ясности, чистоты, и придал им свойственной писателю отпоряющую обязательность. Отвержение лжи и насилия, стремление к правде и справедливости в области человеческих отношений — вот те принципы, которыми руководился Чехов.

Антон Павлович (слева) и Николай Павлович Чеховы, 1883 год.

3

Сохранившиеся письма Антона Павловича к братьям являются поистине драгоценным материалом при изучении этических воззрений великого писателя, особенно письма к старшим братьям — Николаю и Александру.

Николай Чехов был художник, одарённый громадным талантом. Но беспрерывная жизнь, привычки ботемской среды, принятые ему с юности, и самохарактерность помешала этому таланту развернуться во всю ширь, а чехотка оборвала его жизнь на тридцатом году. Антог Павлович любил его едва ли не больше всех других братьев и глубоко скорбел, наблюдая, как он легко обливается в слезы. В 1888 году он обратился к нему с замечательным письмом, в котором писал:

«Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, цену их и отношусь к ним с самым глубоким уважением... Ты добр до трепачности, великоуважаем, не эгоист, подавшийся последней копеечкой, искреннен ты чужды зависти и ненависти, простодушен, жалевашь людей и животных, не ехиден, не запоматен, доверчив... Ты одарён свыше тем, чего нет у других у тебя таланты. Недостаток же у тебя только один... Это — твоё крайнее невоспитанность... Чтобы почувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде... нужно быть известным образом воспитанным... Талант заше тебе в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебе тягнет от неё... Сказываешь плоть мещанская, выросшая на розах у рейнскового поргеба да по палачам. Победить её трудно, опасно, трудно».

И далее Чехов развёртывает по пунктам некую программу условий, которым должны удовлетворять воспитанные люди. Приводим её с сокращениями:

«1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, милки, великодушны, уступчивы...»

2. Они сострадают всем, но к одним только нищим и кошками. Они бывают душой и от того, чего не увидишь простым глазом... Они нечужды ни спит, чтобы... подуть за братьев-студентов, одевать мать.

но с, ни с чем не сообразное обращение с Н. А. и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, не достойно порядочного и любящего человека. Какая небесная или земная власть дала тебе право делать из них своих рабынь? Постоянные ругательства самого низменного сорта, возвышение голоса, попреки, капризы за завтраком и обедом, вечные жалобы на жизнь каторжную и труд анафемский — разве всё это не есть выражение грубого деспотизма? Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она ни стояла к тебе, ты не имеешь права сидеть в её присутствии без штанов, быть в её присутствии пьяным, говорить словеса, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщину. Приличие и воспитанность ты считаешь предрассудками, но надо ведь щадить хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей — щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено... Ночью мужья спят с женами, соблюдая всякое приличие в тоне и манере, а утром они спешат надеть галстук, чтобы не оскорбить женщину своим неприличным видом, сиречь небрежностью костюма. Это педантично, но имеет в основе нечто такое, что ты поймёшь, буде вспомнишь о том, какую страшную воспитательную роль играют в жизни человека обстановка и мелочи...

Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине... Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии, оскорблять прислугу, или говорить со злобой Наталие Александровне: «Убирайся ты от меня ко всем чертям! Я тебя не держу!» Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью... Нельзя упоминать имена детей всуе, а у тебя манера всякую копейку, какую ты даёшь или хочешь дать другому, называть так: «отнимать у детей»... Большинство живёт для семей, но редко кто осмеливается ставить себе это в заслугу... Надо не уважать детей, не уважать их святости, чтобы будущи сытым, одетым, ежедневно навеселе, и в то же время говорить, что весь заработок уходит только на детей! Полно!

Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого.

Деспотизм преступен трижды... Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 из 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен. Поэтому с тебя и спросится в 100 раз больше. К тому же ещё ты университетский человек и считаешься журналистом...

Я вступился, как умею, и совесть моя чиста. Будь великодушен и считай недоумение поконченным...»

Этот страстный и благородный призыв остался гласом вопиющего в пустыне.

Жизнь словно с умыслом поставила рядом Александра и Антона Чеховых, чтобы продемонстрировать всю безграничность человеческих возможностей и весь трагизм пренебрежения к ним. Перед ними обоими, столь сходными во многом между собой, судьба воздвигла одно и то же препятствие к развитию тех природных богатств, какими они были одарены. И, в то время как один из них отдался во власть жалким соблазнам своей среды, позволила заглухнуть своим дарованиям и превратился в глубоко несчастного человека, другой упорным трудом преодолел влияние мещанства, достиг вершин духовного развития и стал гордостью, славой и украшением своей страны и народа.